

Шостакович Максим Дмитриевич
10-17.03.96

Моёвские новости. — 1996. — 10-17 марта. — с. 31 Династия Шостаковичей

Осенью исполняется 90 лет со дня рождения Дмитрия Шостаковича — дата, определяющая музыкальную жизнь года. Один из наиболее ярких юбилейных концертов состоялся недавно в Большом зале консерватории: в нем прозвучали Второй виолончельный Шостаковича (солист Александр Князев) и его Поэма для баса, хора и оркестра «Казнь Степана Разина» на слова Евгения Евтушенко (солист — Олег Мельников). В концерте участвовали Большой симфонический оркестр имени Чайковского и Академическая хоровая капелла имени Юрлова. Дирижировал гость — Максим Шостакович, сын великого композитора.

— Музыка отца, — сказал он после концерта нашему корреспонденту Герарду Кимеклису, — стала для меня как бы моей собственной, продолжением моего «я». Я был счастлив выступить с оркестром, с которым в свое время я впервые исполнил и записал Пятнадцатую симфонию Шостаковича.

— Помимо отца, кто оказал влияние на ваше профессиональное становление?

— У меня были замечательные учителя. Как пианист я занимался у легендарной Елены Ховен и у великого Якова Флиера. Дирижерскому искусству учился у Николая Рабиновича, Геннадия Рождественского, Александра Гаука, Игоря Маркевича. Близость к гениальным творцам музыки — моему незабвенному отцу, Сергею Прокофьеву, Араму Хачатуряну, их человеческие качества, принципы и традиции, которым они следовали, воспитали меня как русского художника.

— И тем не менее вы покинули Россию, переселившись в Соединенные Штаты, где жизнь, включая духовную, сильно отличается от нашей.

— Мой отъезд в 1981 году был, я подчеркиваю это, политическим жестом: я хотел обратить внимание на абсурдность, бесчеловечность порядков, царивших в Советском Союзе.

— Вы считаете, вам это удалось?

— Думаю, да. Равно как и вынужденные отъезды многих выдающихся артистов и писателей. Это вызвало мощный общественный резонанс и, надеюсь, помогло расшатать и разрушить тоталитарную систему.

(Окончание на стр. 36)

(Окончание. Начало на стр. 31)

ВСТРЕЧА

Династия Шостаковичей

— Если бы вашему отцу довелось дожить до наших дней, как бы он воспринял случившиеся в России перемены?

— Он приветствовал бы их. Большого противника тоталитаризма, жестокой коммунистической власти трудно себе представить.

— Что вы сами думаете о нынешней России?

— Конечно, бедность большая. Магазины выглядят богато, но купить что-либо многим не по карману. Политическая ломка вселяет большие надежды, но и порождает немалые трудности, она никогда не проходит безболезненно. Ее надо пережить, перестрадать. Впервые после эмиграции я посетил родину два года назад. Дирижировал концертом памяти Евгения Мравинского в родном городе моего отца — Санкт-Петербурге, в Большом зале филармонии, которая носит сейчас его имя. Исполнялась Восьмая симфония, которую отец посвятил Мравинскому. Встреча с Россией вызвала у меня непередаваемые, хотя и неоднозначные чувства. Если сравнить увиденное тогда и сейчас, не могу не отметить, что стало чище, опрятнее, многое строится. Радует, что восстанавливаются храмы. В 1981-м, когда я уезжал, люди были угасшие, жили без надежды. Теперь она появилась. Это — главное.

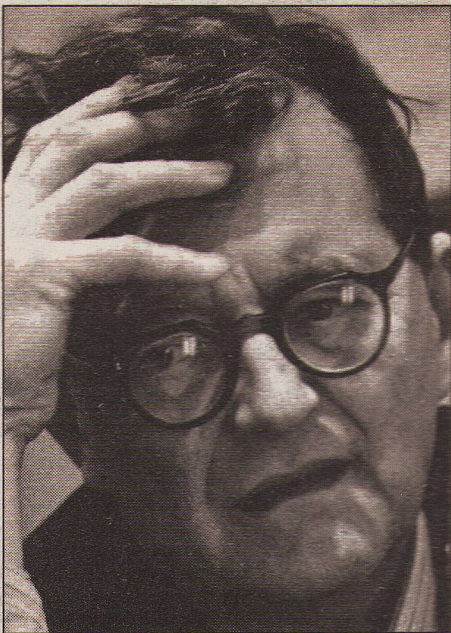
— Внушает ли вам оптимизм состояние российской музыкальной культуры?

— Великие традиции никакими силами не истребишь. Я побывал на концерте Нацио-

нального симфонического оркестра Михаила Плетнева. Как и Большой симфонический, это коллектив первоклассный, мирового уровня. Скажем так: российскую музыкальную культуру и академическую школу можно уподобить океану, который постоянно будет выплескивать в мир огромное количество талантов.

— Захлестывает ли вас этот океан?

— Несомненно. Я больше всего общаюсь с русскими эмигрантами. Друзьями судьба меня не обделила. Моим близким другом был Иосиф Бродский, его смерть для меня — личная потеря. Приехав в Москву, узнал о кончине Лидии Корнеевны Чуковской — с нею ушла целая эпоха русской культуры.

Дмитрий Шостакович

— Как складывается ваша жизнь в Америке?

— С женой Мариной, она русская, мы живем уже восемь лет. Она подарила мне двух чудесных деток. Дочери — четыре года, сыночку — 14 месяцев. Моему старшему сыну от первого брака 34 года, он специалист по электронной музыке.

Я не урбанист, в Америке живу за городом, сохранив российскую любовь к сельской местности. Веду довольно интенсивную гастрольную деятельность — посетил почти все страны мира, причем по нескольку раз. Везде стараюсь играть музыку моего отца.

— Учитывая время и обстоятельства, выпавшие на его долю, можно ли говорить, что

в его творчестве возобладали трагическая тональность?

— Думаю, что эмоциональный, психологический, драматургический, философский диапазон его музыки настолько широк, что вмещает в себя все — от трагизма до исповедальной лирики и юмора. Это можно увидеть на примере даже одного, отдельно взятого его сочинения.

— Нередко слышишь, что, например, в Седьмой — Ленинградской симфонии Шостакович хотел показать не столько вражеское нашествие, сколько ужас советской тоталитарной машины.

— Шостакович — великий мастер обобщений. Создавая, скажем, революционную симфонию, он передает весь кошмар хаоса, когда люди убивают друг друга, не понимая, зачем они это делают. Когда они ведомы идеями, бесконечно от них далекими. Когда они играют роль марионеток в руках людей, бросающих их в кровавую мясорубку. То же — война. В Седьмой симфонии — это образ войны как таковой, всех войн прошлых, настоящих и будущих. Это сочинение о всенародном горе.

Написав в 19 лет Первую симфонию, Шостакович уже заявил о себе как о крупнейшем композиторе. Если раньше его музыку называли «зеркалом времени», теперь становится ясно, что она не укладывается ни в какие рамки. Она на все времена.

— Пишете ли вы музыку сами?

— Нет. Одного композитора с такой фамилией вполне достаточно.